

DOI: 10.46698/VNC.2024.26.19.007

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.: ФОРМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ СТАВРОПОЛЬЯ И ТЕРЕКА)

Яценко Андрей Михайлович, соискатель, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (Ставрополь, Россия); <https://orcid.org/0009-0000-0467-0798>; zjaschenko@yandex.ru

Изучение процессов социокультурной трансформации, которые происходят постоянно в разных странах мира, в наше время является актуальным. Социокультурная трансформация как объективный, стихийный и плохо управляемый социальный процесс может привести к катастрофическим последствиям для конкретного народа, государства. Архивные документы первых лет советской власти позволяют проследить, как происходила социокультурная трансформация городов Ставрополья и Терека и как в короткие сроки шли процессы, в корне меняющие общество, что и представляет цель данной публикации. К задачам исследования можно отнести изучение путей, форм и результатов социокультурной трансформации на территории Северного Кавказа в 1920-е гг. Методами исследования стали общие принципы историзма, системности, объективности. При изучении исторических нарративов применялись методы и приемы исторической антропологии, новой социальной истории, микроистории. В контурах исторических документов Ставрополья и Терека в 1917-1929-е гг. можно увидеть отражение в судьбах простых людей многочисленных преобразований советской власти – военного коммунизма, продразверстки, НЭПа, введения трудовой повинности, других мер советской модернизации. Механизмами новой социальности становятся политическая лояльность, следование новым ритуалам и праздникам, участие в политических и других акциях. В обществе стремительно зарождаются новые этические нормы, не всегда совпадающие с общечеловеческими ценностями. Управление сознанием городского населения через пропаганду новых идей с помощью просвещения, организации советских ритуалов, антирелигиозной кампании ставило целью формирование «нового» советского человека. Проникая во все сферы жизни и заполняя повседневность, оказывая непосредственное влияние на простые человеческие потребности в пище, жилище, одежде, самопрезентации и т.д., процессы трансформации меняли российское общество в целом.

Ключевые слова: первые годы советской власти, социокультурная трансформация, «письма во власть», антирелигиозная пропаганда.

Для цитирования: Яценко А.М. Социокультурная трансформация российского общества в начале 1920-х гг.: формы и результаты (на материалах городов Ставрополья и Терека) // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 19 (26). С. 98-106. DOI: 10.46698/VNC.2024.26.19.007

Введение

В современном мире постоянно происходят процессы социокультурной трансформации, связанные с разрушением традиционных общественных структур, ломкой устоявшихся социальных связей, перестройкой культурных традиций. Такие изменения, связанные со сменой политического курса, экономическими реалиями, информационной войной, находят непосредственное отражение в общественном сознании, в психике людей, в их мировоззренческих установках и повседневных моделях поведения. Изучение процессов социокультурной трансформации в нашей стране в отдельные исторические периоды позволяет понять, как и по какому пути идти современному человеку в тревожной ситуации, как сохранить базовые ценности общества и к чему может привести полное отрицание общественных устоев.

Сам термин «трансформация» в его приложении к социуму в научном сообществе, как правило, понимается как стихийный, плохо управляемый и мало предсказуемый процесс эволюционных изменений, фундаментально зависящий от установок отдельных социальных групп, или элиты. Характер преобразований общества в ходе трансформации более глубокий, чем в ходе политических или экономических реформ, модернизации или перестройки. Трансформация изменяет «структуру доминирующих ценностей, потребностей, целевых ориентации, мотиваций, норм и способов повседневной деятельности» [1, 264]. Процессы социокультурной трансформации в почти буквальном смысле формируют «нового человека» – заряженного иной системой приоритетов, морали и нравственных установок. Такие глобальные изменения – результат как объективных, так и субъективных факторов – особенно если их формирование происходит намеренно, является направленным социальным процессом в интересах какой-либо социальной группы, с помощью и средствами идеологии, несомненно, представляет большую опасность. История знает немало примеров того, как результат «переформатирования» человека и целых социальных групп приводил к античеловеческим, антигуманным итогам – разрушительным войнам, геноциду, мировому терроризму. Именно поэтому изучение социокультурной трансформации, ее путей, форм, последствий в настоящий момент является достаточно актуальной проблемой, требующей синтеза знаний различных наук о человеке.

Цель данной публикации – проследить, как происходили процессы социокультурной трансформации, каковы были их формы и результаты на территории нашей страны в начале 1920-х гг. Для примера был избран регион Ставрополья и Терека. Выбор периода не случаен: именно

в это время в городах Северного Кавказа устанавливается советская власть, формируются органы управления, новые социальные институты и отношения. Источниками работы послужили делопроизводственные материалы двух архивов – Государственного архива Ставропольского края, где собраны, в том числе, документы по Терской области в 1920-е гг., а также Государственного архива новейшей истории Ставропольского края, содержащего разноплановую информацию о деятельности партийных органов и общественных институтов в указанный период. Многочисленные «письма во власть», сохраненные в архивах, позволяют достаточно полно реконструировать отдельные аспекты социокультурной трансформации в первые годы советской власти. Тема социокультурной трансформации получила свое научное отражение в исследованиях ученых различных гуманитарных направлений. Конкретно проблематику данной статьи изучили Е.В. Ногина, Т.А. Булыгина и др.

Основная часть

О событиях истории нашей страны в первые десятилетия советской власти, безусловно, можно говорить как о социокультурной трансформации. Революция 1917 г., назрев в ходе кризиса власти и общества, осуществила ломку политических, экономических, а затем и социальных институтов на основе марксистской теории. Одновременно с разрушением «старого мира» шло строительство нового, улучшенного общества, утопической мечты, в которую поверили тысячи советских граждан. Формирование «нового советского человека» шло различными путями – идеологическое воспитание с детского сада до школы и вуза, политпросвещение, общественные организации, меры поощрения в трудовом коллективе и т.д. Советская Россия удивляла и поражала экономистов многих западных держав итогами ускоренной модернизации страны, особенно это было заметно на фоне мирового экономического кризиса конца 1920 – начала 1930-х гг.

Говоря о социокультурной трансформации городов, мы выделяем прежде всего такие компоненты города и городской среды, как городское пространство, понимаемое в широком смысле, социальная структура и повседневность жителей городов. Город в нашем понимании – это сложный концепт, включающий в себя как архитектурное и природное пространство, так и в большей степени его жителей, их культурные установки и предпочтения, формирование их ментального облика и повседневных практик.

Города Ставрополя и Терека, материалы истории которых будут использованы как примеры в данной публикации, – южного регио-

на, преимущественно сельскохозяйственного, в 1920-е гг. отличались пестротой и своеобразием. Это были патриархальные, полуаграрные городки, жители которых жили в основном кустарным промыслом, мелкой промышленностью, торговлей, сдачей внаем комнат в курортах Кавказских Минеральных Вод. В основном одноэтажные, заросшие зеленью, с непременными огородами и садами, города Ставрополя мало пострадали от начавшихся в СССР процессов урбанизации и ее негативных последствий [2, 41-42]. Тем не менее, и сюда рано или поздно доходят преобразования новой советской власти, в корне поменявшей социальную структуру общества, социальные связи и отношения. Архивные документы первых лет советской власти позволяют проследить, как в города проникают новые процессы и как они изменяют общество, облик городов и их жителей.

В многочисленных сохранившихся в архиве «письмах во власть» населения Ставрополя и Терека в 1917-1929-х гг. можно увидеть и разорительные последствия Гражданской войны, и реквизиции военного времени, и жесткие меры политики «военного коммунизма». Уже в документах 1920 г. можно проследить, как ломаются «старые» социальные институты и стремительно зарождаются новые. Так, например, интересную информацию можно найти в Акте комиссии по реквизиции и конфискации при Ставропольском губревкоме от ноября 1920 г., который содержит подробнейший перечень вещей, конфискованных у «буржуазии» [3, 43-44]. Помимо действительно ценных или необходимых в быту вещей, например, теплой одежды, одеяла, постельного белья и посуды, в список включены и такие наименования, как кальсоны – 68 шт., лифы – 28, чулки дамские – 50 пар, носки мужские – 74 пары. Поряду своеобразных конфискованных «предметов», например, таких, как ножницы для вскрытия черепов – 1, катетер – 1, марля (бывшая в употреблении) – 2 куса, корзинка с медикаментами – 1 становится понятно, что конфискованы предметы и инструменты медика, которого и причислили к буржуазии. Для чего местному Швондеру (аналогия с «Собачьим сердцем М. Булгакова так и напрашивается) и его представителям целый ряд конфискованных вещей, которыми вряд ли кто смог бы воспользоваться, непонятно. Но молодая, идейная, хамоватая, нарождающаяся советская бюрократия уже вершит человеческие судьбы.

В контурах исторических документов 1920-х гг. проступают формы и непосредственное отражение в судьбах людей продразверстки, НЭПа, советской модернизации экономики, введения трудовой повинности. Все эти процессы можно наблюдать непосредственно, их последствия

наполнены человеческой конкретностью. Вот протокол №5 Комиссии по борьбе с трудовым дезертирством в марте 1921 г., который в простой будничной форме знакомит нас с решением о проведении всеобщей облавы трудовых дезертиров по городу Ставрополю в воскресенье, с 6 утра до 6 вечера [4, 51]. Вот предписание пятигорского отдела Всерабис местным комитетам предприятий: завтра, 9 декабря 1920 г., прибыть к 2 часам для участия в похоронах жертв продовольственной работы – двух бойцов продотряда. К уклонившимся будут применены высшие меры наказания в порядке производственной дисциплины [5, 75]. Сквозь нарратив источников, через новую риторику отношений власти и народа можно увидеть очертания трансформирующегося общества, проследить процесс формирования новых правил, новых социальных ролей и институтов, значений и связей.

Многочисленными просьбами о приеме на работу, о возвращении реквизированных во имя революции вещей, об изменении неправильно истолкованных биографических данных наполнены документы местных органов власти в начале 1920-х гг. Например, уполномоченные Ставропольской мещанской управы в марте 1920 г. обращаются с письмом в ревком, умоляя не мобилизовать лошадей у городских земледельцев, так как без них невозможно приступить к весеннему севу [6, 84]. Рабочие и служащие Ставропольского ободно-механического завода «Заря» просят председателя ставропольского ревкома решить вопрос о выдаче им заработной платы, так как находятся в отчаянном положении: с апреля 1920 г. завод поступил в ведение военного комиссариата, и жалования рабочие лишены [6, 131]. Жильцы дома по улице Красной города Ставрополя просят профсоюз госслужащих отсрочить вопрос с их выселением из дома номер 27, который был реквизирован банком [7, 135]. Так, несмотря на формальное утверждение всеобщего равенства и народовластия, формой обращения во власть по-прежнему служит просьба, иначе челобитная, только на современный манер.

В материалах архивных документов проступают четкие контуры новых порядков – во взаимоотношениях народа с властными структурами можно проследить и формы, и механизм новой социальности, для которой формируются новые идеалы и новая этика. Так, в заявлении в Ставропольский губревком прихожан Ставропольского женского Иоанно-Мариинского монастыря от 14 июня 1920 г. содержится слезная просьба не закрывать монастырь, который одновременно служил школой для девочек-сирот, а также приютом для монашек, в годы войны и эпидемии немало сделавших для страны [8, 179-180]. Тем не менее, монастырь как религиозная организация не вписывался в новую

советскую идеологию и был в 1921 г. разогнан. На его месте был организован детский приют, потом – психиатрическая больница. Четыре из пяти храмов монастыря были полностью уничтожены.

Для воспитания «нового» человека, свободного от религиозных «предрассудков», партийными и государственными органами уже в начале 1920-х гг. предпринимаются различные формы «работы» с населением: ликвидация неграмотности, идеологические беседы в избах-читальнях и на предприятиях, культурные и досуговые мероприятия. Так, например, годовой обзор работы Терского губкома РКСМ содержит упоминания о методах антирелигиозной пропаганды среди населения в городах Кавказских Минеральных Вод в начале 1924 г. Здесь и пропаганда естественнонаучных знаний через читки, беседы, доклады на собраниях и вечерах; и антирелигиозный кружок (особенно хорошо работает в г. Пятигорске); и уголки «безбожников» в стенгазетах на каждом предприятии; и целая вереница новых, коммунистических праздников, из которых наиболее плодотворно прошло двухнедельное Комрожество. Борьба за новый быт, включающая комкрестины и комсвадьбы, по мнению руководства партийной ячейки, была поставлена со слишком большим рвением. Новая коммунистическая этика вела «борьбу» не только с религиозными предрассудками, но и учила молодое поколение правильному пониманию отношений юноши и девушки, разницы между массой и активом, призывала к борьбе с излишествами и матерщиной [9, 56, 62, 64].

Идеологическая и культурная политика советской власти, воздействуя на все слои общества, прежде всего городского, как более мобильного, поддающегося трансформациям, охватывала различные сферы. Это и управление сознанием через антирелигиозную пропаганду, и широкий спектр инструментов науки, искусства, литературы, и трансляция новых ценностей через систему ритуальных праздников и иных мероприятий, формирующих новые картины мира в массовом сознании. В информационном письме ставропольского Губсовпрофа в апреле 1920 г. содержится план мероприятий нового советского праздника, в который включено проведение субботника. В ходе субботника определены следующие виды работ: закладка народного дома, приведение в порядок парка при 1-ой мужской гимназии, очистка рощи, очистка Архиерейского пруда и приспособление его для купания, закладка водоразборной будки, работы на железной дороге, очистка заводов и фабрик. Совместив приятное с полезным, в конце дня первого мая предполагалось также проведение митингов, спектаклей и других «увеселений» [10, 475].

Заключение

Таким образом, в исторических нарративах начала 1910-х гг. можно проследить эволюцию социальной репрезентации различных слов постреволюционного советского общества [11, 9-24]. Происходит изменение самопрезентации различных социальных групп, стремительно зарождаются новые институты власти и общества, новые социальные роли и система взаимоотношений. Сам язык исторического документа стремительно трансформируется, слово «борьба» наиболее часто повторяется. Появлением новых маркеров отношений к советскому обществу следует считать и поведение новой номенклатуры, и саму форму «писем во власть» различных групп людей того времени, и складывающуюся новую этику и ритуалы. Изменения в общественной жизни проникали во все сферы жизни людей, заполняя ее повседневность; и эти процессы формирования нового советского общества были необратимыми.

1. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 512 p.

2. *Ногина Е.В.* Социокультурное развитие городского населения Ставрополя в 1920-1930-е годы: Опыт исторического исследования. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 263 с.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 39.

4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 197. Оп. 1. Д. 69.

5. ГАНИСК. Ф. 3776. Оп. 1. Д. 7.

6. ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 28.

7. ГАНИСК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 383.

8. ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 36.

9. ГАНИСК. Ф. 4624. Оп. 1. Д. 1.

10. ГАНИСК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 6.

11. *Булыгина Т.А.* «Говорящие источники»: социальная история Ставрополя в измерениях «новой локальной истории» // *Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917-1929-х гг. Сборник документов.* Ставрополь: Б. и., 2009. 766 с.

Yashchenko, Andrey M. – applicant, State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute» (Stavropol, Russia); <https://orcid.org/0009-0000-0467-0798>; zjaschenko@yandex.ru

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE EARLY 1920-s: FORMS AND RESULTS (BASED ON THE MATERIALS FROM THE CITIES OF STAVROPOL AND TEREK).

Keywords: *the first years of Soviet power, sociocultural transformation, «letters to power», anti-religious propaganda.*

The study of the processes of sociocultural transformation that constantly occur in different countries of the world is relevant in our time. Sociocultural transformation, as an objective, spontaneous and poorly managed social process, can lead to catastrophic consequences for a particular people or state. Archival documents from the first years of Soviet power allow us to trace how the socio-cultural transformation of the cities of Stavropol and Terek took place and how in a short time processes took place that radically changed society, which is the purpose of this publication. The objectives of the research include studying the ways, forms and results of sociocultural transformation in the North Caucasus in the 1920s. The research methods were the general principles of historicism, consistency, and objectivity. When studying historical narratives, methods and techniques of historical anthropology, new social history, and microhistory were used. In the contours of historical documents of Stavropol and Terek in 1917-1929. you can see a reflection in the fates of ordinary people of numerous transformations of Soviet power – war communism, surplus appropriation, NEP, the introduction of labor conscription, and other measures of Soviet modernization. The mechanisms of the new sociality are political loyalty, adherence to new rituals and holidays, participation in political and other actions. New ethical standards are rapidly emerging in society, which do not always coincide with universal human values. Controlling the consciousness of the urban population through the promotion of new ideas through education, the organization of Soviet rituals, and an anti-religious campaign, set the goal of forming a “new” Soviet person. Penetrating into all spheres of life and filling everyday life, directly influencing simple human needs for food, housing, clothing, self-presentation, etc., the transformation processes changed Russian society as a whole.

For citation: *Yashchenko, A.M. Sociocultural transformation of Russian society in the early 1920-s: forms and results (based on the materials from the cities of Stavropol and Terek). KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 19 (26), pp. 98-106. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.26.19.007*

References

1. Huntington, S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, Yale University Press, 1968. 512 p.
2. Nogina, E.V. *Sotsiokul'turnoe razvitie gorodskogo naseleniya Stavropol'ya v 1920-1930-e gody: Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Sociocultural development of the urban population of Stavropol in the 1920-

1930s: Experience of historical research]. Dissertation of the candidate (in History). Stavropol, 2004. 263 p.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archives of the Stavropol Territory]. Fund R-100. Inventory 1. Case 39.

4. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory]. Fund 197. Inventory 1. Case 69.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory]. Fund 3776. Inventory 1. Case 7.

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archives of the Stavropol Territory]. Fund R-100. Inventory 1. Case 28.

7. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory]. Fund 239. Inventory 1. Case 383.

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archives of the Stavropol Territory]. Fund R-100. Inventory 1. Case 36.

9. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory]. Fund 4624. Inventory 1. Case 1.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory]. Fund 355. Inventory 1. Case 6.

11. Bulygina, T.A. «Govoryashchie istochniki»: sotsial'naya istoriya Stavropol'ya v izmereniyakh «novoï lokal'noi istorii» [“Talking Sources”: the social history of Stavropol in the dimensions of “new local history”]. *Golosa iz provintsii. Zhiteli Stavropol'ya v 1917-1929-kh gg.* [Voices from the provinces. Residents of Stavropol in 1917-1929]. Collection of documents. Stavropol, B. i., 2009. 766 p.